

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Операции Черноморского флота в Мировую войну.

Говоря о боевых операциях на Черном море, нам приходится говорить о работе стратегии как раз на том театре, который являлся ареной самых заветных целей русской политики—путем к Константинополю и проливам, а дальше—к Средиземному морю.

Самый характер политической цели определял задание стратегии—наступление на проливы. Логическим развитием ее являлся бы план кампании, в котором эта политическая цель служила бы в то же время и стратегическим объектом.

Влияние политики здесь должно было быть особенно непосредственным, так как каждая операция, в пределах путей к этой цели, являлась в то же время и шагом, имеющим глубокое политическое значение.

Россия преследовала агрессивные цели в отношении Турции. Ее политика была проникнута наступательной идеей. Ее требования к стратегии сводились к тому же, к осуществлению, прежде всего, наступательной войны. Следовательно, последняя питалась активной идеей, и в этом была существенная разница между политическими заданиями флота здесь и в Балтийском море, где оборона—была главнейшей тенденцией как политики, так и стратегии. Если командованию Балтийским флотом во время войны приходилось, как видно из предыдущих глав, самому выступать и бороться против идеи обороны, то командованию Черноморским флотом эта задача была не только облегчена, но наоборот, она всецело сообразовалась с господствующими тенденциями.

Но помимо задач, ставящихся политикой, самый характер, качество политики, т.-е. искусство дипломатии, имеют крупнейшее значение для стратегии.

В опубликованных документах о работе русской дипломатии в предвоенный период мы можем получить богатейшую иллюстрацию этому качеству русской политики на Ближнем Востоке, совершенно несообразанной не только с тре-

бованиями стратегии, но и с положением России в те годы вообще.

Активная цель, о которой было говорено выше, была в значительной мере дискредитирована авантюризмом, частой переменной курса, шатанием основных идей, которые так печально характеризуют работу русского министерства иностранных дел в предвоенный период.

В нашей книге, на которую мы часто ссылаемся („Подготовка России к мировой войне на море“), отмечено это шатание с 80-х годов, когда вопрос о Босфоре не сходил с очереди, но от него делались постоянные отступления в силу других тенденций, получавших случайное преобладание в нашей внешней политике. Уже одно это должно было сказаться на стратегии, лишая ее устойчивости задач.

В тот период, когда Россия переживала тягчайшие затруднения по ликвидации последствий русско-японской войны и была терзаема кризисом внутренне-государственных осложнений, когда уже надвигался призрак революции, министерство иностранных дел выступило с попыткой решения босфорского вопроса „дипломатическим путем“. Извольский поставил вопрос о праве свободного прохода русских судов через проливы, затеял сложную игру, несомненно рискуя миром, столь необходимым для государства в тот период, не имея за собой никакой возможности подтвердить свои требования вооруженной силой. Эта игра велась даже без запросов к стратегии, при чем игнорировалась неготовность Черноморского флота к войне и откладывались программы усиления его состава.

Дипломатическое поражение России было естественным следствием такой политики. Розданные авансом согласия на компенсацию Австрии (за согласие на разрешение вопроса о проливах в духе домогательств России) Боснией и Герцоговиной, Италии—Триполи, не дали успешного результата, только запутав и осложнив общее положение в Европе. Балканский блок, образованный при поддержке России и обратившийся угрозой против нее же, неудачные выступления с целью заручиться поддержкой Англии и Франции—все, в целом, лишь ту же затянуло узлы антигерманской коалиции, бесповоротно втянув Россию в мировую войну. В отношении же приведения в боевую готовность наших вооруженных сил на Черном море эта политика не имела никакого результата.

Россия тридцать лет не была так слаба на Черном море, как в 1914 году, но политика давно не ставила так категорически босфорской проблемы, как именно накануне этого года.

Разница между тенденциями политики и стратегии вырисовывается еще глубже, если проследить, как наряду с активным

стремлением политики складывался и формировался пассивный уклон, воспитывались оборонительные тенденции в самом флоте, в кругу его командования, разрабатывавшего стратегические планы. Обе идеи—активная и пассивная, с точки зрения которых мы исследовали кампанию на Балтийском море, здесь также нашли своих выразителей. Но пассивная идея, в противоположность положению на Балтике, гнездилась прежде всего в стратегических предпосылках и в самом командовании Черноморским флотом.

Какие же условия складывали эту пассивно-оборонительную тенденцию?

Первым условием было соотношение сил, вторым—общая стратегическая обстановка на русском театре войны и, наконец, третьим—личные взгляды командования Черноморским флотом.

Мы упомянули уже, что политика России **Соотношение сил.** не была сообразована с наличием сил на Черном море. Черноморский флот слабел с каждым годом, по мере устарения его боевых средств и непополнения таковых вновь выстроенными кораблями. Фактически, к моменту начала войны в составе Черноморского флота были лишь слабые суда, частью стареющие, частью совершенно устарелых типов.

До 1910 года Россия ограничивалась достройкой кораблей, заложенных на Черном море еще в период русско-японской войны („Св. Евстафий“, „Иоанн Златоуст“ по 13.000 *т*). Неизвестно, когда был бы поставлен реально вопрос о новом судостроении, если бы не обнаруженное Турцией желание воспользоваться слабостью русского флота и упредить его дальнейшее усиление постройкой собственных современных боевых кораблей.

В Турции после Русско-Японской войны, ввиду ослабления России, созрело сильное течение за восстановление черноморского турецкого флота, момент для которого почитался вполне благоприятным. Турция начала переговоры о покупке в Англии дредноутов, строящихся для Бразилии, от которых последняя отказывалась. Это радикальным образом изменило бы соотношение сил на Черном море в пользу Турции.

Только тогда, когда сведения о предстоящем усилении турецкого флота достигли до русского правительства, был поставлен срочно, в экстренном порядке, вопрос об усилении Черноморского флота. Обсуждение Балтийских программ было приостановлено и были экстренно заложены на Черном море три дредноута („Имп. Екатерина II“, „Имп. Мария“, „Александр III“), 9 миноносцев новейшего типа и 2 легких крейсера („Лазарев“ и „Нахимов“). Затем, весной 1914 года, были заложены: линейный корабль („Николай I“), еще два крейсера („Истомин“ и „Корнилов“) и подводные лодки.

Выполнение этих программ восстановило бы соотношение сил в пользу России, но постройка скоро не могла быть закончена: она опаздывала в сроках сравнительно с турецкими судами, строившимися в Англии и уже в 1914 году должны были вступить в строй. Наши же новые линейные корабли и крейсера могли быть закончены в период 1915—1917 гг.

Таким образом, до вступления наших новых судов в строй, турецкие корабли господствовали бы над морем. 1914 год в этом отношении был критическим годом.

Вступление в войну Англии повлекло за собой задержание, а затем включение в состав английского флота обоих строящихся для Турции dreadnoughtов. Но зато Германия усилила флот турок присылкой линейного крейсера новейшей постройки „Гебен“ и легкого „Бреслау“. Корабли эти провалились в Дарданеллы еще до вступления в войну Турции.

Таким образом, к началу войны с Турцией, соотношение сил на Черном море было таково:

А. Линейные корабли.

Р у с с к и е.

	Число орудий на борту				Броня	Ход
	12"	10"	8"	6"		
„Евстафий“ . . .	4	—	2	6	9"	16
„Златоуст“ . . .	4	—	2	6	9"	16
„Пантелеймон“ . .	4	—	—	8	9"	16
„Ростислав“ . . .	—	4	—	4	11" (стар.)	15
„Три Святителя“ .	4	—	—	7	18" „	15
	16	4	4	31		

Т у р е ц к и е.

	11" (нов.)	11" (стар.)	6"		
Лин. кр. „Гебен“ .	10	—	4	11"	27
„Барбаросса“ . .	—	6	—	16" (стар.)	17
„Рейс“	—	6	—	16" „	17
	10	12	4		

Из этой таблицы видно, что русские линейные корабли уступали противнику в количестве тяжелой артиллерии, являвшейся главным вооружением судов этого класса. Один „Гебен“ фактически мог сражаться с тремя сильнейшими русскими судами, превосходя их качеством своей артиллерии (как более современной) и имея крупное преимущество в виде сосредоточения всей артиллерии на одном его борту.

Главным недостатком нашего линейного флота был малый ход 15—16 против 17 и 27 узлов. Это имело глубочайшее

влияние на весь ход операций на Черном море и предопределило передачу в руки противника стратегической и, в особенности, тактической инициативы. Наш флот не мог догнать германо-турецкого, а в бою он был затруднен выбором выгодных тактических условий. „Гебен“ с его 27-узловым ходом фактически являлся хозяином положения на Черном море, будучи неуловимым для русских сил, обязывая их выполнять свои операции всегда соединенно, ибо каждой отдельной части он мог противопоставить силы, ее превосходящие.

Его ход превосходил даже ход русских крейсеров.

Что касается прочих судов, крейсеров и миноносцев, то их данные показаны на следующей таблице:

Крейсеры.

Русские.	Турецкие
„Кагул“ 8—6", 23 уз.	„Бреслау“ 6—4", 27 уз.
„Очаков“ 8—6", 23 уз.	„Меджлие“ 2—6", 4—4", 22 уз.
	„Гамидие“ 2—6", 4—4", 22 уз.

Миноносцы.

5 типа „Новик“ 3—100 мм 35 уз.	4 нового типа 35 уз.
13 стар. типа 25 уз.	4 старого типа 28 уз.

Здесь преимущества в отношении миноносцев новейшей постройки были на стороне русского флота. Это раскрывало бы широкие перспективы для их использования, но последние парализовались двумя обстоятельствами: 1) отсутствием достаточно быстроходных крейсеров, которые могли бы обнаружить противника; 2) условиями атаки неприятеля в его порту, прикрытом хорошо укрепленным Босфором.

Но преимущество в миноносцах, наряду с крупными недостатками линейных сил, в общем итоге не меняло соотношения, устанавливаемого последними.

Следующими данными, определяющими стратегическое положение нашего черноморского флота, являлись свойства и оборудование его театра.

Черноморский театр нами уже описан в главе I, при изложении обороны в Крымскую войну. В условиях мировой войны те же его свойства имели аналогичное влияние на ход военных действий. База—попрежнему в Севастополе, удаленном от Босфора. За протекшие 50 лет другой базы, более придвинутой к последнему, оборудовано не было.

Не было также подготовлено политического соглашения с Болгарией и Румынией о предоставлении нашему флоту возможности пользоваться их бухтами в качестве маневренной базы при действиях против Босфора.

Следовательно, флот попрежнему был затруднен наблюдением и блокированием Босфора, так как для пополнения запасов он должен был уходить в далеко стоящий Севастополь и прекращать на это время операции в море.

По сравнению с Крымской войной, разница была лишь в том, что современный паровой флот еще менее самостоятелен, еще в большей зависимости от питающих баз, в особенности в смысле пополнения запасов топлива.

Оборудование театра состояло из главной базы—в Севастополе, судостроительной базы—в Николаеве, укреплений Очакова и батарей в Керчи и в Батуме.

Севастополь перед войной был перевооружен, но недостаточно. Его орудия не превосходили 10", что не обеспечивало порт и флот от дальнего морского бомбардирования. Новые батареи (12"/52 кал.), во время войны закончены не были. Флоту постоянно приходилось считаться с необеспеченностью своей базы.¹

Очаков и Батум существовали в полуупраздненном состоянии. На их уничтожении настаивало военное ведомство, руководствуясь общим стремлением сокращения числа крепостей. Больших трудов морскому министерству стоило задержать осуществление этой пагубной меры, которая делала свободным для противника подход к Николаеву и лишала бы флот единственной более или менее защищенной маневренной базы для действий в районе кавказско-турецкой границы Батума.

В Керчи, собственно, крепости уже не существовало, лишь временная батарея прикрывала вход в Азовское море.

Недостаток сил, дурно оборудованный театр, неудобное расположение баз—для ведения операций против Босфора—характеризовали положение русского флота на Черном море очень трудным к моменту начала войны.

Командование флотом, поскольку оно не было склонно к активности и мысль его устремлялась в сторону оборонительных побуждений, здесь, в самом анализе условий, в которые был поставлен черноморский флот, черпало новые и веские аргументы для обоснования оборонительной тенденции, казалось, так невяжущейся с идеями наступательной политики.

¹ Необеспеченным являлся и Николаев, главный судостроительный порт, в котором строили наши новые суда. Выбор судостроительного порта в Николаеве сам по себе представляется решением не вполне удачным, считаясь с возможной угрозой Николаеву противника со стороны Румынского фронта. Гораздо более удачно было бы расположение судостроительного порта в Мариуполе, который помимо того, что более обеспечен, является, в то же время, более удобно расположенным относительно месторождения угля и близости промышленного района Донецкого бассейна.

Но оно получало еще новые, еще более убедительные влияния, которые должны были и дальше гасить наступательные стремления, если бы таковые даже и были.

Это все в той военно-политической обстановке, которая сложилась на Черноморском театре к моменту начала войны.

Как известно, Турция не сразу объявила войну России. Она вступила в нее несколько месяцев спустя после начала действий между Россией и Германией (14 октября 1914 года). В течение этого времени ее положение оставалось неопределенным.

Первые недели мировой войны вызвали необходимость сосредоточения всех сил России на западном фронте, против Австрии и Германии. Вступление в войну Турции знаменовало собой образование нового фронта, требуя соответственного количества войск на Кавказе. Это несомненно отразилось бы на прочности нашего положения на западной границе, и Турцию надо было удерживать от вступления в войну. Такая директива и была дана от ставки министерству иностранных дел.

Россия в этот период делала большие усилия, чтобы предупредить выступление Турции, она забила, если можно так выразиться, „полный отбой“ всей предыдущей политики в ближне-восточном вопросе, вплоть до отказа от каких-либо посягательств на проливы, и предложения Турции гарантии ее неприкосновенности.

Но Черноморскому командованию флотом не надо было слишком напоминать о необходимости осторожности и избежания рискованных поступков, могущих осложнить политическое положение. Оно само было склонно к обороне, и его планы таковую предусматривали в первую очередь.

Идея планов Черноморского флота перед мировой войной. Морским генеральным штабом было предложено три варианта плана:

Первый—для 1913/14 г.г., при превосходстве нашего флота над турецким (без „Гебена“), предусматривал наступление главных сил к Босфору для его блокады и боя с флотом противника, в случае попытки его выйти в море.

Второй—для наиболее невыгодного нам периода 1914/15 г.г., при превосходстве турецкого флота, в состав которого должны были вступить два линейных корабля типа „дредноут“. Он предусматривал оборону нашего флота на подготовленной позиции с переходом в наступление, в случае ослабления турецкого флота.

Наконец, третий вариант плана—для периода времени после 1916 года, при превосходстве нашего флота, в связи с вступлением в строй бригады линейных кораблей типа „Императрица Мария“, предусматривал энергичные наступательные действия против Босфора, с целью его прорыва.

Но ни один из вышеперечисленных планов войны не мог быть приведен в исполнение в точности, впрямь до полного

выяснения обстановки на Черном море, вследствие чего окончательное установление плана военных действий на Черном море было предоставлено командующему Черноморским флотом, адмиралу Эбергарду.

Это, с одной стороны, развязывало руки и предоставляло инициативу Эбергарду, а с другой стороны характеризовало отсутствие вполне сложившихся идей и в самом генеральном штабе. Черноморскому флоту была поставлена условная задача и не дано определенного указания для составления плана кампании.

В результате, план кампании Черноморского флота на случай войны в Черном море, составленный в 1914 году, отражал в себе всю неопределенность заданий и ряд противоречий, которые не могли, в целом, дать определенную идею, столь же отчетливую, как это мы видим в плане Балтийского флота перед мировой войной.

С одной стороны, в нем мы видим стремление к активным операциям („получить господство на море“, дабы этим надежно защитить наши берега, освободить армию от обороны берегов, прикрыть ее тыл и дать возможность перевозить войска морем для усиления Кавказской армии, прервав морские сообщения противника). С другой—находим и такую мысль: „для России занятие Константинополя и проливов решало бы весь многовековой ближне - восточный вопрос, но не имея на это, по крайней мере в начале войны, сил, Россия в 1914 году принуждена ставить себе целью только оборону берегов...“.

И эта последняя точка зрения получила развитие в плане на 1914 год.

Таким образом, все обстоятельства, как то—соотношение сил, особенности театра, политическая обстановка и, наконец, личные убеждения командующего Черноморским флотом,— все это, в целом, сложило оборонительную тенденцию, как главную, в планах командования на первоначальный период войны. Случилось так, что несмотря на агрессивную политику России, не смотря на то, что захват Константинополя и проливов был виднейшим стимулом для войны, оборона берегов явилась руководящей мыслью подготовки к кампании на Черном море.

План Черноморского флота предусматривал бой с противником, в случае приближения его к нашим берегам, на заранее подготовленной позиции.

Иначе говоря, та же идея, что на Балтийском море, была приложена и здесь, в совершенно другой обстановке, при совершенно ином соотношении сил.

Позицию предполагалось устроить в районе Одесского залива на направлении, казавшемся командованию особенно угрожаемом: Одесса—Николаев. Флот должен был сосредото-

точиться в Севастополе и ждать подхода противника, чтобы здесь в благоприятных для себя условиях дать ему бой.¹

Эту операцию Черноморское командование считало главной и, повидимому, не слишком задумывалось над тем, что германско-турецким силам невыгодно в этой обстановке искать боя, так как преимущество их перед русским флотом было слишком (в артиллерийском отношении) не велико, чтобы идти на риск одновременного прорыва минного поля и открытого боя с линейными судами.

Активные действия предусматривались в виде обеспечения помянутой главной операции постановкой минного заграждения у Босфора и ведением разведки в море.

Общий обзор операции Черноморского флота в кампанию 1914 г.

Как выше сказано, после начала войны с Германией, русское министерство иностранных дел делало попытки оттянуть или устранить вовсе вступление в войну Турции. Это нашло себе отражение в директивах командующему Черноморским флотом, коему было преподано „избегать явно агрессивных мероприятий, могущих послужить поводом для вступления Турции в войну“. При этом министр иностранных дел, в согласии с мнением наших союзников, сообщил адмиралу Эбергарду о том, что с политической точки зрения представляется нежелательным, чтобы инициатива разрыва с Турцией исходила от нас.

На основании этого командующий Черноморским флотом составил план действий, тогда же утвержденный ставкой, по которому „флот, сосредоточившись в Севастополе и будучи в постоянной боевой готовности, занимает, впредь до новых указаний, выжидательное положение, имея негласное наблюдение за Турецким флотом при посредстве пароходов, совершающих рейсы между нашими портами и Константинополем“.

¹ Мы не касались военных действий на западном театре войны, но нельзя не обратить внимания на аналогии:

Черноморский флот ждет решительного боя в районе своих баз, в обстановке, противнику заведомо невыгодной.

Балтийский флот ждет решительного боя на Центральной позиции.

Германский флот сосредоточен в районе Гельголандской позиции и ждет наступления англичан.

Английский флот—по плану 1914 года, составленному адмиралом Джеллико, ждет выхода немцев в северную часть моря, и здесь вблизи собственных баз предполагает ему дать решительный бой.

Никто не ставил себе целью бой в открытом море, поиски противника для этой цели.

Однако, уже к середине августа обстановка переменялась: германские крейсера „Гебен“ и „Бреслау“ прошли Дарданеллы.

Этим установилось явное преимущество на стороне Турецкого флота.

Принимая во внимание, что уничтожение „Гебена“, обеспечивая за нами неоспоримое преимущество на Черном море, могло бы удержать Турцию от выступления, командующему флотом 18 августа, по соглашению с министром иностранных дел, было разрешено, в случае появления „Гебена“, „действовать по усмотрению“, дабы использовать могущую выгодно для нас сложиться тактическую обстановку встречи с неприятелем. Во исполнение этого, флот дважды в сентябре крейсировал в полном составе в западной части моря, но оба раза не встретил турецких судов.

Разрешение „действовать по усмотрению“ было дано не надолго. Опасение раздражить Турцию взяло верх, и министерство иностранных дел сочло даже самый факт крейсирования Черноморского флота в море угрожающим для нее предлогом. Прошлая директива была отменена и дана новая: „не искать встречи с турецким флотом, если он не займет явно угрожающего положения“.

Во исполнение этого приказа, Черноморский флот до войны с Турцией выходил в море лишь с учебными целями, не удаляясь от Севастополя дальше, чем на 60 миль, и, конечно, уже не ища встречи с „Гебеном“.

Таким образом, директивы Черноморскому флоту оставались до последнего момента неопределенными.

В результате этих директив создавалась обстановка, весьма напоминающая начало русско-японской войны, когда флот до последнего момента не знал, будет ли война, а директивы свыше — поддерживали уверенность в возможности избежать ее.

Командующий же флотом Эбергард не проявлял в этом отношении сомнений и спокойно ожидал новых директив, не предпринимая должных мер на случай внезапного начала войны.

Между тем, казалось бы, именно ему, бывшему флаг-капитану русской эскадры в Порт-Артуре, ответственному свидетелю атаки японцев 26 января 1904 года, следовало особенно учитывать опасность внезапного нападения неприятеля, и от него более, чем от кого либо, можно было требовать мер, исключающих возможность неприятелю застичь врасплох наш Черноморский флот.

Начало войны. 15 октября 1914 года, вернувшись из учебного плавания в Севастополь, командующий флотом получил телеграмму о решении Турции начать войну. В то время флот, за исключением вспомогательных

судов, находился в Севастополе (вне Севастополя были: заградитель „Прут“, посланный в Ялту за расположенной там войсковой частью, которую он к рассвету 16-го должен был доставить в Севастополь; в Одессе—кан. лодка „Донец“ и заградитель „Бештау“, в Батуме—загр. „Дыхтау“ и вооруженный пароход „Березань“).

В ночь с 15 на 16 октября, в 3 $\frac{1}{2}$ ч. утра—три турецких миноносца внезапно атаковали в Одесской гавани канонерскую лодку „Донец“, которая затонула от попавшей в нее мины.

В 6 $\frac{1}{2}$ часов утра „Гебен“ подошел к выходу из Севастопольской бухты, прошел через крепостное минное заграждение, бывшее в этот момент не замкнутым,¹ сделал несколько залпов по рейду и батареям (последние отвечали) и повернул в море. На пути встретил возвращавшийся из Ялты „Прут“, обстрелял его. „Прут“ был затоплен своей командой, так как при продолжении боя, являлась опасность взрыва мин, находившихся на его борту. В тот же день на рассвете турецкие крейсера бомбардировали Новороссийск и Феодосию.

Таким образом, картина внезапного нападения на Порт-Артур через 10 лет была воспроизведена с поразительной точностью. Отсутствие должных мер охранения, дурная организация рейдовой службы как тогда, так и теперь обусловили первый успех неприятелю.

Только к 3 часам дня флот мог выйти в море. У командующего возникло опасение, что противник поставил мины, выход флота задержался, пока фарватер не был протрален.

Три дня флот оставался в море, крейсируя в безуспешных поисках за „Гебеном“, после чего вернулся в Севастополь.

Когда флот вышел, по приказанию Эберггарда на подходе к Севастополю было поставлено минное заграждение, не предусмотренное планом, из числа запаса мин, предназначенных для заграждения Босфора.

По получении в ставке известий о нападении турецкого флота, адмиралу Эберггарду была предоставлена полная свобода действий и было указано, что главной его целью является воспрепятствование неприятельскому десанту, который, по имевшимся сведениям, готовился в Константинополе.

Слухи о десанте являлись несомненно ложными, так как ни обстановка, ни наличные силы турок не давали основания рассчитывать на возможность такового.

¹ Заграждение замкнуто не было потому, что ждали возвращения с моря „Прута“. Когда же на батарее увидели неприятеля, то не рисковали включить без разрешения штаба командующего флотом. Пока спрашивали этого решения, прошло время, и „Гебен“ уже вышел из загражденной зоны. Он не мог не коснуться мин, так как несколько раз пересек банки, и последнюю—прошел вдоль, причем вероятность взрыва была, очевидно, особенно велика.

В дальнейшем, сведения указывали на намерения турок произвести внезапную высадку в районе Одессы. Вследствие этого, Эбергарду было подтверждено, что главной целью Черноморского флота является воспрепятствование десанту вообще, и в районе Одессы в особенности, и было приказано принять меры наблюдения за противником (телеграмма 22 октября №82).

Задача эта в полной мере разрешалась лишь путем приобретения, после решительного боя с противником, полного господства на Черном море. Но уже в ближайшее время после начала войны выяснилось, что противник (турецкий флот, оперировавший на Черном море, фактически состоял из линейного крейсера „Гебена“, легких крейсеров „Бреслау“, „Меджидие“ и „Гамидие“ и больших миноносцев, прочие суда в море не выходили, оставаясь на Босфоре в качестве поддержки береговых батарей), пользуясь своим преимуществом в скорости хода, избегает решительного боя, при чем наш флот, не имея в своем составе быстроходных крейсеров, не только лишен возможности нести за противником действительное наблюдение, но и не может парализовать деятельности турецких легких крейсеров.

При такой обстановке единственным средством принудить противника к решительному бою являлась бы тесная блокада Босфора, которая, вместе с тем, пресекла бы всякую его деятельность и на Черном море. Однако, тесная блокада Босфора не могла быть осуществлена, как вследствие того, что по близости него не было в нашем распоряжении удобного пункта для устройства блокадной базы, так и потому, что решительный бой у берегов противника, при отсутствии явного над ним превосходства в силах, представлялся опасным, ибо наши поврежденные в бою корабли могли бы не дойти до своей базы—Севастополя.

Вследствие этих соображений, деятельность Черноморского флота ограничивалась заграждением Босфора, обстрелом имевших стратегическое значение пунктов побережья и периодическим крейсерством в поисках противника, пользуясь случайными, преимущественно агентурными сведениями об его появлении в море.

В первый поход, в ночь с 23 на 24 октября, с миноносцев было поставлено заграждение у Босфора, и 24 октября под прикрытием флота была произведена бомбардировка Зунгулдака с целью воспрепятствовать вывозу угля из Гераклийских копей, для которых последний был главным вывозным пунктом.

После этой операции, на обратном пути флот потопил несколько турецких транспортов, везших в Анатолийские порты продовольственные запасы и материалы для Анатолий-

ской армии. 25 октября, испытав по пути сильный шторм, флот вернулся в Севастополь; в тот же день крейсер „Бреслау“ бомбардировал Поти.

Следующий поход флота был направлен против Анатолийского побережья. 4 ноября флот бомбардировал портовые сооружения и здания в Трапезунде, а в ночь с 4-го на 5-е заградители поставили минные заграждения на рейдах Трапезунда, Платаны и Самсуна.

При возвращении в Севастополь, недалеко от берегов Крыма, флот встретил легкий крейсер „Гебен“ в сопровождении „Бреслау“. Туманная погода, неудобный строй флота и, наконец, неудачное командование им—лишали случая нанести существенное повреждение „Гебену“. После кратковременной перестрелки, последний, воспользовавшись своим преимуществом в ходе, вышел из опасной для него встречи.¹

5 ноября русский флот вернулся в Севастополь; 8-го—крейсер „Гамидие“ бомбардировал Туапсе. 19 ноября флот вышел снова в море, в виду полученных сведений о выходе противника. 22-го—вернулся, а 25-го—крейсер „Бреслау“, показавшийся в виду Севастополя, обстрелял тралящий караван. 27-го „Гебен“ обстрелял Батум.

Такое чередование операций русского и турецкого флотов характерно для войны на Черном море не только в первое время, но и в последующие годы. Наш флот не имел непрерывного наблюдения за Босфором. Будучи лишен быстрой и надежной разведки, он мог только случайно встретить неприятеля, но и в этом случае, благодаря своему малому ходу, не был бы в состоянии принудить его к бою.

28 ноября командующий Черноморским флотом получил сведения, что турки предполагают высадить войска в районе Батума. Флот вышел и направляясь к Батуму, прошел вдоль Анатолийского побережья до Синопа и по 2-е декабря оставался в море, нигде не встретив противника.

Через несколько дней флот снова вышел в море, имея целью постановку минного заграждения у Босфора, и закупку, путем затопления пароходов, Зунгулдакской гавани, дабы прекратить вывоз оттуда угля. Заграждение было поставлено, но вторая операция не удалась, вследствие появления у Зунгулдака неприятельских судов и возведенных турками новых морских батарей при входе на рейд.

Вслед за этим, 12 декабря, „Бреслау“, находившийся в море, обстрелял встреченные им наши миноносцы.

Таким образом, к середине декабря выяснилось, что сравнительно редкие и периодические выходы в море нашего Черноморского флота не препятствовали туркам снабжать

¹ Подробное изложение боя 5 ноября—см. нашу книгу „Два боя“, изд. Р. И. О. Морведа, 1926 г.

морем свою армию и подвозить к ней подкрепления через порты восточной части Анатолийского побережья, что, в свою очередь, способствовало развитию ее активных действий против нашей Кавказской армии.

Вследствие этого, адмиралу Эбергарду Блокада Анатолийского побережья. было приказано (20 и 21 декабря) прекратить морские сообщения с Анатолийским побережьем и не допускать высадки турецких войск в этом районе, для чего возможно долгие оставаться с флотом в открытом море.

Затем, 16 января, то же приказание было подтверждено, при чем предписывалось прекратить всякое сообщение противника по Черному морю впредь на две недели, каковой срок необходим для переустройства нашей Кавказской армии после Саракамышских боев.

Изложенное изменение первоначальной директивы в смысле перемещения главной задачи Черноморского флота из Одесского района в южную часть Черного моря было основано на том, что к этому времени вполне определенно выяснилось, что усилия турок на сухопутном театре войны сосредоточивались на Кавказском фронте, вследствие чего Одесский район уже не мог явиться для них объектом серьезной операции. Вместе же с тем, этот район к данному времени уже был прикрыт от второстепенных и случайных действий противника выставленным в Одессе большим минным заграждением, возведенными на побережьи временными батареями и сосредоточенным к побережью ополчением.

Во исполнение этих приказаний, начиная с 21 декабря и до начала февраля, адмирал Эбергард блокировал восточную часть Анатолийского побережья, при чем флот лишь на короткие сроки заходил в Севастополь для пополнения запасов, остальное же время крейсеровал в блокируемой зоне, центром которой являлся Трапезонд.

Во время этой блокады флот несколько раз обстреливал прибрежные пункты и порты, уничтожал сосредоточенные в них выгрузочные средства, потопил несколько пароходов и большое количество парусных судов, поддерживающих сообщение между Константинополем и Анатолийским побережьем. К концу 1914 г. пароходное и вообще регулярное сообщение противника с Анатолией было фактически прекращено, за исключением случайных, обычно малых, парусников, пробиравшихся вдоль берега.

Дальнейшие операции До весны 1915 года деятельность Черноморского морского флота протекала преимущественно в крейсерстве в море, поскольку позволяло состояние механизмов и условия погоды.

Вступление в строй новых подводных лодок дало возможность держать очередную лодку на подходе к Босфору,

Но эта деятельность не препятствовала, однако, турецким крейсерам периодически выходить из Босфора и производить налеты на отдельные пункты нашего побережья. Материальные результаты таких налетов были—ничтожны, но они производили сильное моральное впечатление на сухопутное командование и общественное мнение.

Сухопутное командование все время жило под гипнозом десанта. Это опасение не оставляло его и тогда, когда на Кавказском фронте завязалась тяжелая борьба, и когда при спокойном анализе обстановки было очевидно, что турки не в состоянии высадить десант в сколько-нибудь значительных размерах при наличии боеспособного Черноморского флота. Каждое появление неприятельских судов у русских берегов рассматривалось сухопутным командованием, как признак готовящегося десанта. Общественное мнение требовало более энергичных действий от морского командования по охране побережья. На этой почве складывалось сильное недовольство адмиралом Эбергардом.

Вступление в строй первого русского дредноута на Черном море — л. кор. „Императрица Мария“ (июнь 1915 г.), следующих новых миноносцев (всего 9), а также новых подводных лодок (4)—значительно усиливало Черноморский флот: теперь он безусловно превосходил германо-турецкий.

Однако, другие факторы стратегической обстановки, а именно, отсутствие вблизи Босфора базы, позволяющей осуществить тесную блокаду последнего, преимущества в скорости на стороне неприятеля („Мария“—21 узел, „Гебен“—27),—были теми же, и стратегическое положение Черноморского флота при той идее кампании, которую проводил адмирал Эбергард,—осталось прежним. Как и раньше, флот продолжал свои крейсерства, с той только разницей, что теперь было две маневренных группы (1 — „Мария“, 2 — старые корабли), которые чередовались в море.

Обстрелы Зунгулдака, бомбардировки Босфора, действия против торговли и Анатолийского побережья,—продолжали быть главным содержанием боевых операций русских линейных сил и миноносцев. В этих операциях они имели ряд несомненных частных успехов. Количество потопленных турецких торговых судов было очень велико (главным образом, каботажных, которых было уничтожено несколько тысяч); морские сообщения противника, как сказано, были фактически прерваны. Но основная проблема—уничтожение или тесное блокирование судов неприятеля полученными подкреплениями—не решалась.

Положение не изменилось значительно даже и тогда, когда вступил (осенью 1915 года) в строй 2-й линейный корабль нового типа—„Императрица Екатерина II“.

Содействие
Черноморского
флота Кавказ-
ской армии.

Гораздо большего успеха флот достиг при оказании содействия флангу Кавказской армии. Еще в конце 1914 года был организован Батумский отряд, в состав которого вошли линейный корабль „Ростислав“, миноносцы и вспомогательные суда. Он прикрывал и обеспечивал со стороны моря продвижение фланговых групп в прибрежной полосе, сбивая судовым огнем в тыл и фланг, турецкие позиции, высаживая десанты и пр., — что привело в 1916 году к занятию нами Трапезонда и дало возможность питать страдавшую от бедорожья Кавказскую армию.

Следует также отметить работу транспортной флотилии, учрежденной в предположении десанта на Босфор. Она выполнила в течение 1914—15 г.г. ряд крупных перевозок войск на Кавказское побережье и между портами Черного моря.¹

Планы наступательных операций на Босфор, в связи с Дарданелльской экспедицией союзников.

К началу 1915 года союзниками было решено предпринять операцию против Дарданелл, для занятия проливов и Константинополя. Приготовления, а затем и начавшаяся операция выдвинули Босфорский вопрос во всей его исторической полноте. Интересы России при этом не могли быть игнорированы; Англия, этот исконный враг России в ее стремлении к захвату Босфора, не могла, без опасения лишиться мощного союзника для борьбы с Германией, устранить Россию от участия в операции, а затем — дележе турецких владений. Не столько нуждаясь в оперативном содействии Черноморского флота, сколько заботясь о том, чтобы втянуть Россию в дальнейшее ведение войны до „победного конца“, Англия сначала косвенно, а затем все с большей определенностью, возраставшей по мере неудач России на фронте и нарождавшегося стремления в ней к выходу из войны и сепаратному миру с Германией, давала новые и новые заверения в обеспечении инте-

¹ Вот перечень крупнейших перевозок, выполненных транспортной флотилией Черного моря:

2/I 1915 г. десант с „Березины“ и „Дыхтау“ на турецкие позиции у Лимана,

20/II 1916 г. высадка 2-х бтл. в тыл турецких позиций у Лизистана,

21/I 1916 г. такая же операция у Мпари,

25/III 1916 г. десант 2-х бригад пластунов в Ризе,

26/III 1916 г. переброска бригады пластунов из Ризе в Хомуркан,

30/V 1916 г. перевозка 127 дивизии в Кавала,

20/V 1916 г. перевозка в Трапезонд 123 дивизии,

20/X 1916 г. взятие Терме десантом „Святогора“,

26—28/IX 1916 г. перевозка сухопутного отряда на 10 транспортах из Одессы в Констанцу,

IX—1916 г. переброска дивизии из Одессы в Сулин.

ресов России на Босфоре. Когда, под влиянием тяжелых поражений, в русском обществе и правительственных сферах сложилось сильное течение против продолжения войны (конец 1915 года), между Россией и Англией, по инициативе последней, было заключено соглашение, удовлетворявшее вождения русских империалистических кругов. В дальнейшем оно играло роль стимула к побуждению России продолжать войну во что бы то ни стало.

Эта сложная политическая постановка Босфорского вопроса, в основе которой лежала определенная идея „подогревания“ империалистических вождений царской России, несомненно достигала своей цели.

Идея Босфорской операции захватила широкие круги, близкие к командованию. Возникла масса проектов Босфорской экспедиции, при чем многие из них, имея в основе недоверие к искренности союзников в этом вопросе, ставят его в плоскость самостоятельного шага России, крупной операции десанта, той операции, идея которой более 30 лет уже культивировалась в сознании генерального штаба и в частности на Черноморском флоте.

„Надо захватить Босфор теперь же, иначе мы его никогда не получим“ — положение, общее многим проектам предлагаемой экспедиции. „Теперь и самим, ибо союзники могут обмануть“...

В связи с началом операций в Дарданеллах и постановкой вопроса о Босфоре, роль и значение Черноморского флота, как основной силы для его решения, изменилась.

Мы не можем, не рискуя выйти далеко за пределы этого сжатого очерка войны на Черном море, уделить достаточно внимания проектам экспедиции, разрабатывавшимся в штабе Черноморского флота и в ставке. Для нас важно отметить общую линию поведения, в частности черноморского командования, в этом вопросе, почему ограничимся лишь некоторыми сведениями о его течении.

„В ближайшее время—писал Янушкевич Эбергарду—предполагаются совместные действия англо-французского флота с участием их десантного корпуса против Дарданелл. Черноморскому флоту надлежит оказать возможное содействие в виде демонстрации у проливов, которая, в зависимости от достигаемого нашими союзниками успеха, может быть развита, включительно до занятия Босфора совместно с Черноморским флотом и флотом англо-французским“...

Тогда же был разработан план совместного с союзниками занятия Константинополя, при чем было предназначено для оккупации Босфора двинуть V Кавказский корпус (под. нач. ген. Истомина, в составе около 27.000 чел.).

Командующий Черноморским флотом, адмирал Эбергард, выдвинул вопрос о необходимости, в связи с предстоящими

операциями против Босфора, занятия—в качестве промежуточной для флота базы—рейда Бургаса. Но этот проект, ввиду опасения министра иностранных дел вызвать осложнения отношений с Болгарией—был отклонен. Командующему было указано, что в тот момент флоту ставилась цель не большая, оттяжка внимания турок от Дарданелл, подготовка наших будущих действий у Босфора путем вылавливания мин и бомбардирования ближайших к устью батарей, что, наконец, десантный корпус нами готовится лишь для оккупации условленного района Босфора, при условии, что союзниками захвачены Дарданеллы и Мраморное море, иначе говоря, когда турки уже надломлены.

Таким образом, первоначальные планы ставки в отношении Босфора не мыслились в качестве самостоятельной операции, а лишь в мере согласования ее с действиями союзников, в зависимости от успешности последних.

Черноморский флот был готов выполнить перевозку десантного оккупационного корпуса в значительно большем масштабе. Его транспортная флотилия была способна поднять значительно более крупные соединения войск, а при напряжении всех средств—армию в составе до 4 корпусов. Со вступлением в строй „Императрицы Марии“, вопрос об обеспечении операций со стороны моря не возбуждал особых сомнений.

Но осуществление десантной операции в крупном масштабе не находило себе признания в ставке, не полагавшей возможным снять для этой цели войска с фронта. Кроме того, оно не встречало сочувствия у командования Черноморского флота, до сих пор избегавшего какого бы то ни было риска при ведении боевых действий.

Об отношении последнего к Босфорской операции мы можем судить по записке, поданной в октябре 1915 года флаг-капитаном по оперативной части Кетлинским, этим истинным вдохновителем планов Черноморского флота с начала войны.

В ней он утверждает, „что если проливы не будут заняты теперь, то потом нельзя будет их взять“... Что же касается способов занятия проливов, то он категорически отказывается от возможности прорыва флота через Босфор... „прорыв невозможен... высадка на месте, заранее подготовленном неприятелем, может удасться при огромных потерях и только тогда, когда высаживающиеся обладают колоссальными плавучими средствами, которых у нас нет...“

„Для правильно задуманной операции нам нужны базы. Лучшими являются Бургас и Варна. Их необходимо взять, пока не поздно...“

Самая же идея Кетлинским так формулирована: „логическим и необходимым объектом операции надо считать полный раз-

гром балканских армий врагов, для того, чтобы на их спинах ворваться в Царьград..." Указывая, что наша южная армия около 500 тыс. человек, Кетлинский пишет, что "такая армия, разбив вместе с союзниками неприятеля, окажется в это время обладающей прекрасным исходным положением (базой) для движения вперед, к Царьграду..."

Он не устраняет содействия флота и его участия, указывая, что во флоте при этом "будут потери в судовом составе, они могут настолько его ослабить, что для новой десантной операции он будет нескоро способен. Значит, и эта причина приводит к тому же—бить сразу крупными силами, бить смертным боем, чтобы разгром неприятеля открыл нам сразу заветные цели Царьграда..."

Таким образом, основная мысль командования Черноморского флота, поскольку Кетлинский таковую выражал, сводилась не к самостоятельным действиям флота, не к его решительной операции, а к стремлению "на спинах отступающего неприятеля", преследуемого нашей армией, ворваться в Константинополь, флот же будет лишь оказывать свое содействие.

Эту же идею мы видим в записке князя Романовского (пасынка вел. кн. Николая Николаевича), который, вторя Кетлинскому, агитировал за поход "через Румынию—на Софию". Таким образом, в самом командовании назревала оппозиция решительным действиям флота в направлении Босфора. Уже здесь гасилась та идея, которая, как сказано, вдохновляла все развитие Черноморского флота с самого его основания.

С другой стороны, выдвигались и противоположные проекты, а общественное мнение России ждало десантной операции, не связывая ее с событиями на фронте и не откладывая до конца войны. Усиление Черноморского флота, теперь явно и безусловно превосходившего силу германо-турок на Черном море, развитие Дарданельской операции, питали эти стремления реальной обоснованностью.

Неуспешный ход операции союзников, принужденных в конце концов ликвидировать ее, соответственно отразился и на планах русского командования.

5 ноября начальник штаба верховного главнокомандующего Алексеев телеграфирует Эбергарду: "Государь император повелел усиленно продолжать подготовку к выполнению десантной операции, придавая даже этой подготовке некоторую огласку... С другой стороны, деятельная работа в этом направлении действительно нас подготовит всесторонне к войне, когда обстановка потребует от нас производства десанта в широких размерах, чему не будет препятствовать и состояние погоды. В настоящее же время сухопутные войска, сосредоточенные в Одесском округе, будут применены на другом театре действий... Черноморский флот, выполняя свои основные,

указанные ранее, задачи, должен энергичными демонстрациями приковать внимание болгар к их Черноморскому побережью..."

В дальнейшем, и до конца войны, идея о Босфоре не сходит с очереди, но в связи с все ухудшавшимся положением на фронте она откладывается и в конечном счете получает значение последней операции, долженствующей завершить войну на южном фронте, предупредив в том союзников.

Мы не будем описывать боевых операций Черноморского флота в период с лета 1915 года по 1916 год, так как изложение их слишком расширило бы рамки настоящего труда. События, важнейшим из которых явилось вступление в войну Болгарии, и вызванные этим действия Черноморского флота против Болгарского побережья, успешное содействие наступлению армии Кавказского фронта на Трапезунд, закончившееся взятием последнего, крейсерство флота и подводных лодок в море и бомбардировки Босфора и Зунгулдака—не изменили в основных чертах положения на Черном море в отношении борьбы с неприятельским флотом и обороны наших берегов. „Гебен“ и „Бреслау“, а теперь еще подводные лодки, продолжали свои крейсерства: путь их в Черном море оставался открытым; тихоходный Русский флот, хотя теперь много превосходил их в силах, не мог найти случая уничтожить или тесно заблокировать их.

Недовольство командованием Черноморского флота как в ставке, так и в обществе, достигло предела. Был поставлен вопрос о смене Эбергарда, до сих пор пользовавшегося исключительным доверием Николая II.

В цитируемом ниже докладе начальника морского штаба верховного главнокомандующего царю¹ охарактеризована деятельность командования с начала войны до середины 1916 года под углом зрения критики адмирала Эбергарда, с конечной целью убрать его, заменив выделявшимся своей энергией к.-ад. Колчаком, командующим минной дивизией Балтийского моря.

Здесь оперативные стороны Эбергарда преувеличены и изложены тенденциозно, но доклад, в целом, довольно верно отражает неудовлетворенность Черноморским флотом, демонстрируя в то же время и несостоятельность самого верховного командования, поставившего его в условия, при которых он не мог дать большего.

Русин докладывал:

„Поставленная Черноморскому флоту с начала войны задача—поддерживать господство на море наилучшим и исчерпывающим образом могла быть выполнена сосредоточением

¹ Архив Морискома, дело № 7137.

главных боевых усилий Черноморского флота против Босфора, как единственного выхода для флота противника в море...¹

„...В начале войны, до вступления в строй новых линейных кораблей и миноносцев, активная деятельность нашего флота против Босфора могла почитаться спорной, в смысле возможности осуществления полной его блокады, вследствие сравнительной слабости флота и значительной его зависимости от баз. Но и в начале войны высказывались некоторыми морскими начальниками соображения о возможности поддерживать блокаду Босфора наличными силами флота при условии организации погрузки угля в море, в чем наш флот приобрел обширный опыт при неоднократных погрузках угля в океане в минувшую кампанию.“

„Командующий Черноморским флотом не счел, однако, возможным сделать этот опыт и совершенно отказался от мысли блокировать Босфор.“

„Единственные попытки к осуществлению активной операции против Босфора были сделаны в первые дни войны установкой слабого и недостаточно удачного в тактическом отношении минного заграждения.“

„И все же эти слабые и не вполне удачные попытки повели к весьма существенным результатам („Гебен“ подорвался на двух наших минах), чем была с очевидностью доказана целесообразность направления военных усилий против Босфора и слабость вспомогательных средств противника (тральщиков и дозорных судов) для борьбы с нашими заградительными операциями. Несмотря на это, с тех пор и до настоящего времени заградительные операции больше не повторялись, и весь наличный запас мин заграждения, вместо того, чтобы быть поставленным с активными целями у Босфора, как то предусматривалось планом войны, был целиком командующим флотом поставлен у наших берегов.“

„Не считая бомбардировок Босфора, которые имели демонстративную цель, единственный вид проявления деятельности нашего флота у Босфора заключался в дежурстве у него наших подводных лодок. Но это дежурство, несмотря на

¹ Эта задача не была поставлена категорически. Выше изложена первоначальная директива Черноморскому флоту, сводящаяся к обороне берегов от десанта, прежде всего.

Не было также вложено определенной идеи и в самый план кампании, составленный перед войной. Как известно, морской генеральный штаб представил составление плана полному усмотрению командования флотом. По меткому выражению В. К. Лукина, он „умыл руки“, отказавшись от постановки ему определенной задачи в сложной обстановке, предвидимой для 1914 года.

Есть основание думать, что у самого генерального штаба к этому моменту не было вполне сложенных идей о роли и задачах Черноморского флота, состав сил которого не позволял ему начать решительные операции против Босфора.

указания по этому поводу командующему флотом, было в оперативном отношении организовано неудовлетворительно и потому не дало с начала войны и до сих пор никаких результатов. Подводные лодки сменялись на дежурстве на позиции не у самого Босфора, а по возвращении с дежурства подводной лодки в Севастополь посылалась на позицию из Севастополя следующая.

„Таким образом, дежурство это периодически прерывалось, чем противник пользовался для своих выходов в море...

„Кроме того, успешность деятельности подводных лодок у Босфора была значительно стеснена тем, что вследствие неудачно поставленного нами заграждения, границы коего плохо известны до сего времени, подводные лодки держались на позиции далеко от самого устья, а потому неоднократно опаздывали атаковать входящие и выходящие суда.

„Вследствие этого, единственная систематическая операция наша, будучи с оперативной точки зрения неудачно организована, не дала никаких результатов и нисколько не способствовала поставленной Черноморскому флоту задаче поддержания господства на море.

„Отказавшись от активного и единственно целесообразного способа выполнения поставленной задачи, командующий Черноморским флотом занял оборонительное положение и приступил к разрешению задачи господства над морем пассивным путем: имеющиеся в запасе Черного моря мины были использованы для заграждения приступов к своим берегам.

„В некоторых пунктах побережья, поскольку позволял наличный запас артиллерии, были установлены батареи для предотвращения их от бомбардирования неприятелем. Крейсерство Черноморского флота в открытом море проходило в надежде на случайную встречу с противником, так как отсутствовало наблюдение, и более точных данных о его выходе в море в распоряжении командующего флотом быть не могло. Все грузовое движение по Черному морю было прекращено за невозможностью осуществления его охраны.

„Однако, в скором времени выяснилось, что прикрыть весьма значительное протяжение черноморского побережья от атак неприятельского флота, а тем более принудить его к бою в открытом море вдали от Босфора, вследствие его преимущества в скорости хода,—совершенно невозможно. Неприятельские корабли, пользуясь отсутствием целесообразной активной деятельности нашего флота и своей быстротой, неоднократно выходили в море, безнаказанно бомбардировали наши прибрежные города и прикрывали свой подвоз к анатолийской армии и Константинополю.

„Для пересечения этого подвоза, по директиве верховного командования, командующий флотом предпринимал периоди-

ческие операции против сообщений противника. Сообщения эти совершались в начале войны по трем главным направлениям: Босфор—побережье южной Анатолии, Босфор—угольный район для подвоза угля в Константинополь и Босфор—северо-западное побережье для подвоза военной контрабанды.

„Но каждый раз наши операции против сообщений противника были направлены не к общей для всех этих направлений исходной точке—Босфору, а к конечным их точкам, вследствие чего эти операции решающего результата не имели, и противник, хотя и ценой гибели своих пароходов, пользовался этими сообщениями до момента, пока в них не миновала надобность, вследствие занятия нами Трапезунда и соединения Константинополя с сетью железных дорог наших врагов. Каботажное же его сообщение с Константинополем продолжается и до настоящего времени.

„Поставив себе задачей действовать одновременно на трех конечных путях неприятельских сообщений, прикрывать все свое побережье и парализовать крейсерство в открытом море быстроходного флота противника, командующий флотом непроизводительно изнашивал наличный состав своих сил, ибо ряд этих задач непосилен даже флоту, значительно превышающему по своему составу настоящий Черноморский флот.

„А вместе с тем, все эти задачи сходились в одной общей точке—у устья Босфора, против которого от всяких операций командующий флотом отказался.

„Со вступлением в строй двух новых линейных кораблей и 9 нефтяных миноносцев, силы Черноморского флота увеличились в три раза, приобретая вместе с тем большую самостоятельность и меньшую зависимость от баз. Можно было предполагать, что командующий флотом, во исполнение данных флоту директив о поддержании самыми энергичными мерами господства на море, предпримет ряд систематических активных операций.

„Однако, столь значительное увеличение сил не изменило принятого командующим флотом пассивного плана ведения войны на Черном море.

„До настоящего времени главное внимание командования флотом направлено на усовершенствование обороны своих берегов, на что использованы все имеемые средства. Без определенной цели часть главных сил флота периодически продолжает крейсировать в юго-восточной части моря, подходя без нужды к берегам и подвергаясь при этом атакам подводных лодок.

„Противник же, пользуясь полной свободой выходов в море, использовал эту свободу для бомбардировки наших позиций у Трапезунда 21 марта и Евпатории 24 апреля 1916 г., а также для сосредоточения в Черном море значительного количества подводных лодок, которые наносят вред нашим

транспортам, движение которых было в начале настоящего года восстановлено.

„Удачные действия неприятельских подводных лодок, повлекшие за собой гибель уже более 10 пароходов, столь ценных, при малом их количестве для десантных операций в будущем, следует главным образом приписать нецелесообразной системе, принятой командованием для направления их плавания—движение вдоль берегов, а не открытым морем, где встреча с лодками менее вероятна.

„Свобода действий неприятельских подводных лодок, дошедшая до блокады самого Севастополя, в значительной мере объясняется отсутствием в Черном море средств борьбы с ними...“

Далее Русин посылает ряд упреков Черноморскому командованию за то, что оно, не в пример Балтийскому флоту, не заботилось о накоплении запаса мин заграждения, равно как и противолодочных сетей для борьбы с подводными лодками, объясняя недостаток в таковых главным образом отсутствием должной предусмотрительности и заботливости со стороны командующего флотом.

„Воспользовавшись отсутствием всяких препятствий и наблюдений с нашей стороны у Босфора, „Гебен“, об окончании ремонта коего за последнее время стали поступать агентурные сведения, беспрепятственно вышел в море, совместно с „Бреслау“, появившимся еще 18 июня вблизи Дуная, о чем командующему флотом было известно, бомбардировали 21 июня наше побережье и у Туапсе и Сочи, утопили три наших парохода.

„Стратегическая обстановка, в коей протекала эта операция противника, была для нас исключительно благоприятна. Такого случая не дать противнику вернуться в Константинополь за все время войны до сих пор ни разу не представлялось.

„Крейсеры появились в 4 часа дня 21 у берегов Кавказа в таком удалении от Босфора (480 миль), что не могли туда возвратиться раньше вечера 22 июня. Таким образом, вследствие столь рискованного со стороны противника образа действий, в распоряжении командующего флотом для преграждения ему возвращения в базу было более, чем 24 часа времени.

„В момент появления неприятеля у берегов Кавказа, дислокация нашего флота была следующей: в Севастополе был сам командующий флотом с линейным кораблем „Императрица Екатерина II“ с тремя нефтяными миноносцами и минным заградителем, в море вблизи Севастополя был линейный корабль „Императрица Мария“ с тремя нефтяными миноносцами; остальные части флота были в юго-восточной части моря.

„В то время, когда противник был от Босфора в расстоянии 480 миль, лучшая часть флота с самим командующим находилась в Севастополе, в расстоянии 270 миль от Босфора,

следовательно командующий флотом имел достаточно времени, чтобы сосредоточить главные силы к Босфору раньше возвращения к нему противника. При этом к Босфору могли свободно подойти не только линейные корабли, но и сравнительно тихоходные заградители и даже 3 миноносца, бывшие в море с „Императрицей Марией“, могли вернуться в Севастополь, принять мины заграждения и соединиться с флотом своевременно у Босфора.

„Следовательно, у Босфора могли быть сосредоточены два линейных корабля, 5 миноносцев с 350 минами заграждения, две уже бывшие там подводные лодки и даже минные заградители..“

„В действительности же вышел в море линейный корабль „Екатерина II“ (без заградителей и без мин заграждения на миноносцах), только через сутки после появления „Гибена“ у берегов Кавказа, в то время, как последний уже подходил к Босфору...“

Доклад заканчивается следующими словами: „Такое состояние оперативного руководства Черноморским флотом, отразившееся на всех операциях флота за время войны, и отсутствие заботы и предусмотрительности в деле создания боевых запасов и поддержания боевой готовности судов, дает основание предполагать, что настоящее командование Черноморским флотом не в состоянии выполнить высочайше преподанной директивы и сколько нибудь удовлетворительно к ней подготовиться, о чем приемлю долг донести...“

Доклад этот сопровождался разбором нескольких операций Черноморского флота, при чем был собран весь материал для аргументации непригодности адмирала Эбергарда к роли командующего флотом. Между прочим, было приложено письмо известного общественного деятеля и ученого Семёнова Тянь-Шаньского морскому министру, где он выражает недовольство общественных кругов России деятельностью Черноморского флота, который, несмотря на значительное превосходство в силах, не мог обеспечить безопасности от все повторяющихся бомбардировок черноморского побережья...

В результате, адмирал Эбергард был убран и сменен Колчаком.

Приведенный выше доклад начальника морского штаба ставки, адмирала Русина, может быть сопоставлен с подобным же докладом о смене командующего Балтийским флотом адмирала Канина.

Обоим командующим вменялось в вину, главным образом, отсутствие энергии и инициативы, недостаток активности, прежде всего.

Многие действия командующего Черноморским флотом ни в какой мере не могут быть оправданы, так как факты—а их много—говорят сами за себя.

Но находим ли мы в этом докладе что-либо, кроме общего раздражения отсутствием крупных успехов Черноморского флота? Единственное указание, имеющее стратегическое значение, это ссылка на недостаточное заминирование Босфора, на употребление минных запасов для оборонительных целей в ущерб активному их использованию. Но не сама ли ставка мушкетировала вопрос об опасности турецкого десанта на Одессу, не спешила ли она каждый раз „предоставить действовать по усмотрению“, когда требовалось дать определенную директиву, хотя бы о том же минировании Босфора?

Новому командующему флотом была дана

Деятельность следующая директива:

Черноморского флота под командой адмирала Колчака. 1) Поддерживать господство на море, принимая все меры к воспрепятствованию судам противника выхода в Черное море и прекращению деятельности его подводных лодок.

2) Содействовать боевым операциям частей Кавказской армии, действующих в Приморском районе.

3) Обеспечить оборудование продовольственной базы и дальнейший подвоз морем всех видов запасов к частям Кавказской армии, действующим как в Приморском районе, так и на других направлениях, в согласии с соображениями главнокомандующего Кавказской армии.

4) С началом военных действий Румынии в союзе с нами, прикрывать ее побережье и в частности порт Констанцу, принимая меры к возможному содействию операциям наших войск в прибрежном районе западной части Черного моря.

5) Содействовать средствами транспортной флотилии, в наибольшем возможном размере, перевозке грузов по Черному морю для потребностей обороны и войск юго-западного края.

6) Содержать в постоянной готовности отряд транспортов для перевозки одной пехотной дивизии и одной артиллерийской бригады.

7) Подготовить и развить к весенней кампании 1917 года транспортные и десантные средства Черноморского флота для осуществления самостоятельной десантной операции на побережья, занятом противником, армией в 3—4 корпуса, при чем желательно достигнуть возможности поднять и высадить одновременно наибольшее количество войск и, во всяком случае, не менее трех пехотных дивизий и трех артиллерийских бригад с их обозами“.

Эта директива лишь немногим отличалась от тех, которые получал адмирал Эбергард, по существу подтверждавшие уже имевшиеся.

Адмирал Колчак начал свою деятельность чрезвычайно энергично. Все его оперативные устремления были, прежде всего, обращены в сторону Босфора, на заграждение минами

выходов из него. Заградительные операции были начаты сразу и в большом масштабе. Нижеследующая таблица, дающая сводку минных заграждений, поставленных на Черном море в течение войны, дает характерное представление об интенсивности этих операций, начиная со дня вступления командования адмирала Колчака.

Заградительные операции русского флота на Черном море в мировую войну.

Места постановки	Время 1914/15 г.	Кто ставил	Число мин
Босфор	22/X 1914 г.	4 миноносца.	240
Трапезунд	5/XI 1914 г.	2 заградителя.	400
Платана			
Самсун			
Унис	7/XII 1914 г.	4 заградителя.	760
Босфор	12/XII 1914 г.	4 брандера.	—
Зунгулдак	29/VI 1915 г.	Подводная лодка.	40
Босфор	18/VII 1916 г.	Подводная лодка.	40
"	21/VII 1916 г.	4 миноносца.	240
"	23/VII 1916 г.	4 "	240
"	26/VII 1916 г.	4 "	240
"	29/VII 1916 г.	2 "	120
"	7/VIII 1916 г.	2 "	120
"	25/VIII 1916 г.	3 "	180
"	27/VIII 1916 г.	3 "	180
"	2/IX 1916 г.	Подводная лодка.	40
"	3/IX 1916 г.	5 миноносцев.	300
"	10/X 1916 г.	Заградитель.	220
Варна	26/X 1916 г.	"	220
"	6/XI 1916 г.	"	220
Констанца	14/XI 1916 г.	2 миноносца	120
Босфор	17/XI 1916 г.	"	120
"	20/XI 1916 г.	"	120
Констанца	4/XII 1916 г.	Заградитель.	220
Босфор	5/XII 1916 г.	3 миноносца.	100
Варна	12/XII 1916 г.	Заградитель.	220
Босфор	5/I 1917 г.	"	460
"	5/V 1917 г.	4 брандера.	240
"	13/V 1917 г.	"	240+180
Зунгулдак	3/VI 1917 г.	4 катера.	40
Босфор	5/VI 1917 г.	4 "	40
"	12/VI 1917 г.	4 заградителя.	880
"	7/VII 1917 г.	2 тральщика.	440

При этом все внимание устремляется на постановку активных заграждений, но не на внутренние, у своих берегов.

Это видно из следующих цифр.

П о с т а в л е н о м и н :

	у своих берегов:	у неприятель- ских берегов:
1914 г.	4.740	1.400
1915 г.	—	40
1916 г.	—	3.080
1917 г.	—	2.420
	4.740	6.940

Колчак очень скоро добился того, что „Гебен“ и „Бреслау“ более в море не выходили.

Другая задача—содействие Кавказской армии—протекала с прежним успехом. Дело это было привычное для флота, и хорошая организация транспортной флотилии легко справлялась с требованиями, предъявлявшимися армией к перевозкам.

В последующем, операции по содействию армии приняли более широкий масштаб, так как флот принял участие в обороне Дуная и Румынского побережья, в частности — Констанцы.

Таким образом, Колчак быстро успокоил общественное мнение и ставку: надежно завалил Босфор минами. В остальном же, несмотря на несомненно выдающуюся свою энергию, он не принес с собой ничего существенно менявшего то направление, в каком деятельность Черноморского флота протекала до сих пор.

Решительная операция, главная операция Черноморского флота — Босфорская, предпринята не была, и дальнейшая роль флота свелась к выполнению операций вспомогательного значения.

Помимо крепостей Севастополя, Очакова и Батума, на Черноморском берегу был установлен в разных местах ряд батарей, имевших значение охранных для противодействия открытым нападениям легких сил неприятеля. Число орудий и места установок показаны на след. таблице:

Схема № 20.

МЕСТО УСТАНОВКИ	Число орудий	Калибр
1. Жебрияны	2	3" полев.
	6	6" морт.
	8	6" 190 п.
2. Одесский район	4	6" 120 п.
	2	6" Кане
	4	57 мм
	2	3" полев.



МЕСТО УСТАНОВКИ	Число орудий	Калибр
3. Очаковский район — вооружение крепости		
4. Тендра	2	4" бат.
5. Джарылгач	2	4" бат.
6. Хорли	2	4" бат.
7. Ак Мечеть	2	3" полев.
8. Какраджи	2	6" Кане.
9. Евпатория	2	6" 190 пуд.
10. Севастополь — вооружение крепости		
11. Ялта	4	4" бат.
12. Судак	2	3" полев.
13. Двужкорная бухта	2	120 мм
14. Феодосия	4	3"
15. Хаул	2	6" 190 п.
16. Керчь	4	9" 67 г.
17. Новороссийск	{ 2	6" Кане.
	{ 8	3" полев.
18. Туапсе	{ 2	6" Кане.
	{ 4	3" полев.
19. Хости	{ 2	6" 190 п.
	{ 4	3" полев.
20. Сочи	2	3" полев.
21. Гагры	2	3" полев.
22. Гудаут	2	3" полев.
23. Новый Афон	2	3" полев.
24. Сухум	{ 2	6" Кане.
	{ 4	3" полев.
25. Поти	{ 2	6" 190 п.
	{ 4	3" полев.

Заключение. Если мы посмотрим на кампанию в Черном море 1914—16 гг. в перспективе трех изложенных морских войн, то нам придется отметить особенность, выделяющую именно эту кампанию среди других.

Ни в Крымскую, ни в Русско-Японскую и ни в Мировую войну на Балтийском море, Россия не имела основного условия, которое ставится, так сказать, венцом морской стратегии; она не обладала морем, господство на котором принадлежало противнику. Исходные данные этих кампаний были таковы, что русский флот не мог поставить себе задач больших, нежели оборона против неприятеля, превосходством ли сил или же более искусной стратегией державшего море, в широком смысле этого слова, в своих руках.

Втечение описанной кампании на Черном море преимущество в силах, в особенности после вступления в строй первых дредноутов, было на нашей стороне, и морем, хотя и условно, владели мы. Экспедиции „Гебена“ и „Бреслау“, в стратегическом смысле, имели ничтожные материальные результаты, и часто урон, принесенный их бомбардировками, не превышал стоимости угля, затраченного ими на переход. Они не препятствовали Черноморскому флоту выполнять

задачи, которые на него возлагались ставкой—содействие операциям армии на Кавказском фронте (позже в Румынии и на Дунае), перевозки по морю, и в полной мере страхование безопасности побережья от крупных десантных операций противника.

Ошибки, которые были допущены командованием в отношении недостаточно энергичной борьбы против „Гебена“, дурная организация службы подводных лодок, цикл бездарных „Зунгулдакских“ операций и пр. не меняли дела в основном, ибо несомненно мы, повторяю, владели морем.

Но Эбергард не мог поставить себе целей больших, нежели те, которые допускались имевшимися у него средствами. Он выполнял то, что ему приказано: усердно, но неудачно гонялся за „Гебеном“, уничтожал торговые суда, пытался блокировать Босфор и пр. Крупных результатов он достичь не мог.

Явное превосходство в силах на стороне нашего флота, наряду с ничтожностью результатов, не могли удовлетворить ни высшее командование, ни общественное мнение.

Не удовлетворяли они также самих моряков.

Чувствовалось всеми, что обстановка допускает более широкие возможности, что задачи, выполняемые до сих пор Черноморским флотом, не исчерпывают их, что самый факт господства нашего на море должен быть шире и более плодотворно для хода всей войны использован нашим флотом.

Это обусловило чрезвычайно тяжелую атмосферу в отношениях к командованию Черноморским флотом как со стороны ставки, так и со стороны рядовых начальников, не видящих оформления своего активного порыва в операциях крупного стратегического значения.

Но высшее командование не ставило флоту новых задач, его директивы не шли дальше подтверждения необходимости бороться за господство на море, хотя таковое фактически было достигнуто с самого же начала. Оно так же, как и в отношении Балтийского моря, повидимому, считало, что сам командующий флотом должен найти себе задачи активного характера, что причиной всему недостаточная его энергия. Эбергарда убирают. Назначают несомненно энергичного Колчака, который в первые же дни заваливает минами Босфор и ставит этим точку над і, в смысле окончательного закрепления за нами господства на море, которое по существу, как сказано, и ранее уже принадлежало нам.

Что же дальше? Колчак проявил требовавшуюся энергию, но по существу положение осталось прежним, и деятельность флота пошла по тому же пути, как и ранее, т.-е. в частных, вспомогательного значения, операциях по поддержке флангов армий, перевозке войск, бомбардированию прибрежных пунктов и пр.

Это все были важные, но небольшие в своем значении для хода войны эпизоды.

Между тем, именно на Черном море перед русской стратегией открывались исключительные горизонты—в направлении на Босфор, занятие которого могло оказать громаднейшее влияние на ход войны. К Босфору неизменно устремляется мысль всех инстанций командования, начиная от ставки и кончая командирами кораблей, не говоря уже о вождениях империалистически настроенных общественных кругов. Вопрос о Босфоре все время стоит на очереди, но ни разу он не был поставлен вполне реально, ни разу не хватило у высшего командования решимости приступить к осуществлению этой, почти столетие подготавливавшейся, операции.

Как только, силою событий, он выдвигался на очередь, то начинались робкие и неуверенные приготовления, дальше которых не шли. Собранные войска получали другое назначение на фронте; пользуясь каждым удобным случаем, операция откладывалась ставкой на последующее время и в конце концов она была отложена на последний план: после того, как кампания будет выиграна на сухопутном фронте.

Не только высшее сухопутное командование не было склонно к этой операции, не слишком сочувствовал ей и Эбергард, всегда находивший предлоги к отодвиганию ее на неопределенное будущее.

Таким образом случилось, что единственная действительно крупная морская операция десанта на Босфор, не нашла признания и осталась неосуществленной.

Причину этому мы видим, прежде всего, в том узко-сухопутном характере русской стратегии, который был ей присущ в течение всех кампаний, охваченных настоящим исследованием. Для нее не существовало морских направлений; она предпочитала решать главные операции войны только и исключительно на сухом пути, игнорируя те возможности, которые представлялись на море.

Эта стратегия не ставила нашему, владевшему Черным морем, флоту задач больших, нежели оборона берегов и некоторое содействие прибрежным частям сухопутной армии, вследствие чего флот наш и здесь оказался не в полной мере использованным.

Что касается морской стратегии, то основная проблема ее—владение морем—была достигнута, потом—она умывала руки, дальнейшее уже не укладывалось в пределах ее стремлений.

Таким образом, и в этой кампании на Черном море мы видим ту же характерную для прошлых войн черту—отсутствие определенных идей об использовании флота для крупных стратегических целей войны, не смотря на исключительно благоприятную, не в пример другим кампаниям, обстановку для Черноморского флота в Мировую войну.

Общее заключение.

Заканчивая исследование, необходимо поставить вопрос: какие же практические указания в деле морской обороны берегов дает опыт рассмотренных войн царской России?

Почти конспективное изложение, не слишком углубленный разбор последних, не дают основания резюмировать этот опыт выводом о стратегическом, а тем более тактическом построении операции морской обороны. Мы можем сделать заключение лишь о некоторых, с нашей точки зрения главных, факторах, имевших доминирующее значение в историческом прошлом.

1) Важнейшим фактором, предопределявшим обычно неудачное решение русской морской обороны, было отсутствие единства взглядов со стороны военного и морского ведомств на существо этой операции.

Каждое из них подходило со своей точки зрения к проблеме морской обороны и каждое по своему решало свою задачу. Вследствие этого, оборона берегов никогда не ставилась, как единая операция, т.е. осмысленная одной идеей, построенная по единому плану, при теснейшем взаимодействии всех сил, в ней участвующих, и влитая в твердые организационные формы; она всегда представляла компромисс, в своей основе не имевший прочного фундамента.

Армия, флот, приморские крепости—ни в отношении подготовки, ни в отношении боевого их участия в обороне берегов, не выступали единой силой, не будучи в состоянии согласовать свои действия, объединенные только в конечной цели, но не в путях к ее достижению.

Установление единого командования не давало гарантий согласованности, так как этому не было предпослано общих идейных оснований. Внешнее подчинение не устраняло глубоких внутренних противоречий.

Эти противоречия не могут быть объяснены недостаточным знакомством с другим родом оружия или ведомственными трениями, при старом режиме неустранявшимся даже перед лицом врага. В основе их лежали две различные идеологии—морская и сухопутная, сложившиеся исторически, под влиянием своеобразных условий путей развития армии и флота царской России, расколовшихся очень скоро после Петра I.

Свое оформление эта рознь получила в военной науке, принявшей ведомственный характер.

В вопросах, требующих одновременного участия армии и флота, в данном случае в вопросе об обороне берегов, отсутствие единой мысли являлось обычной причиной их неудачного решения.

2) Видом обороны берегов, к которому тяготела морская мысль—являлась активная их оборона—путем ли

боевых действий непосредственно против неприятельских берегов, в стремлении захватить исходные районы, откуда враг мог угрожать нашему побережью (проливы), или же в виде действий против флота противника в открытом море.

Однако, активная оборона, за исключением отдельных эпизодов в общем ходе истории рассмотренных кампаний (таким эпизодом была кампания 1914 г. на Балтике), постоянно оказывалась несостоятельной в условиях действительности.

В одном случае—недостаток средств, в другом—необорудованный театр, несоответственное расположение баз и их дурная защита, в третьем—отсутствие активного импульса у командования и сложенных идей об использовании флота для этой цели—все это приводило к тому, что активная оборона не удавалась, и идея ее под влиянием тех или других условий гасла.

Среди причин, определявших невозможность приложения принципа активности в деле обороны, приходится в первую очередь отметить отсутствие разработанности самой идеи активной обороны, каковая обычно мыслилась лишь в виде общего устремления, не подкрепленного разработанным планом ее выполнения, ни соответственной подготовкой флота и театра—во всех отношениях. Это приводило к тому, что в сложной обстановке войны она оказывалась практически неприменимой.

Опыт изложенных войн учит, что необходимой предпосылкой к активной обороне является тщательная и планомерная подготовка, чтобы создать условия, при которых флот мог быть применен активно; что здесь мало утверждения необходимости наступательных действий, мало порыва, который может остаться без приложения, если неясна цель, отсутствует план, несоответственны ресурсы и подготовка.

Процесс потери активной идеи в морской обороне наглядно иллюстрируется историей последних кампаний царского флота. Здесь видны данные, которые приводили к отказу от нее.

Это должно быть учтено при использовании боевого опыта, ибо иначе идея активной обороны, очевидная сама по себе, может оказаться нежизненной и приведет, как приводила не раз, к отказу от использования флота в море вообще и к обращению его средств на усиление местной обороны отдельных пунктов.

3) Ни в одну из рассмотренных кампаний оборудование театра военных действий не отвечало требованиям, которые к нему предъявлялись с точки зрения общей операции обороны берегов. Наши приморские крепости были всегда недостаточно оборудованы, при чем самый план их расположения, равно как и вооружение, обычно не были сообразованы ни с планом кампании на море, ни с развертыванием сухопутной армии.

Такое состояние театра являлось свидетельством отсутствия вполне сложившихся идей и разработанных планов морской обороны.

Не было сознания всей важности значения хорошо оборудованного театра. Иначе нельзя объяснить постоянную бедность в этом отношении, в то время как на армию и флот отпускали большие средства.

Приморские крепости находились как бы на стыке двух ведомств—военного и морского, чуждыми тому и другому. Задания к ним зачастую были противоречивы и неясны. Вооружение, оборудование и подготовка не отвечали действительным требованиям.

Крепостями мало интересовались в мирное время, так как армия возлагала надежды на маневренные операции на сухопутном театре, а флот рассчитывал вести активную оборону, борясь за обладание морем.

Но когда, силою военных событий, роль крепостей и оборудования театра вообще становилась очевидной, а дефекты их грозили тяжелыми осложнениями, то рядом запоздалых мер, дорогой ценой (в Севастополе—ценой существования флота) торопились их привести в надлежащее состояние.

Каждая война подтверждала этот урок предыдущей, и каждую войну начинали с необорудованным театром и дурно вооруженными крепостями.

4) Никогда в царской России не было постоянного учреждения,¹ которое имело бы своей обязанностью следить, направлять и непосредственно руководить созданием, подготовкой и разработкой средств морской обороны и планов ее, в их целом. Оборона берегов как в идейном, так и в материальном смысле, ковалась в разных мастерских. Отдельные части не были согласованы и притерты: не приходится и удивляться, если этот сложный механизм работал обычно очень плохо.

¹ Совет Государственной обороны 1906 г. нельзя считать таким связующим учреждением, ибо функции его были слишком общи; деятельность же—неплодотворна.

Материалы и источники.

- А. Зайончковский. — Восточная война 1853—56 гг.
А. Лихачев. — Очерк действий Черноморского флота в 1853—54 г. (Военный сборник 1902 г.).
Истомин. — Балтийский флот 50 лет назад (Морск. Сб. 1905 г.).
А. Лебедев. — Русский флот в царствование Николая I (История Р. Армии и Флота).
Отчет в. к. Константина Николаевича к 25-летию царствования Александра II.
Аренс. — Действия флота в войну 1877—78 г.
Н. Кладо. — История Военно-Морского искусства (1910 г.).
Леер. — Стратегия, ч. III.
Дегу. — Прибрежные операции.
А. Штенцель. — История войн на море.
История Русско-Японской войны на море. Изд. Морск. Ген. Штаба.
Документы Русско-Японской войны на море. Изд. Морск. Ген. Штаба.
Описание военных действий на море в 37—38 г.г. Мейдзи.
Н. Новиков. — Хронологический перечень действий 2-й Тихоокеанской эскадры.
А. Виноградский. — Обстановка перед Русско-Японской войной (История Армии и Флота).
А. Свечин. — Военные действия в Манчжурии (там же).
Ф. Булгаков. — Порт-Артур.
Г. Романовский. — Оборона крепости Порт-Артур (История Армии и Флота).
История Кронштадтской крепости.
Зайончковский. — Мировая война.
Зайончковский. — Подготовка России к мировой войне (планы войны).
Фирле. — Война на Балтийском море. Т. I (перев. с немецкого).
Сборники Военно-Морской Исторической комиссии №№ 1 и 2.
Трейдлер. — Оборона береговых крепостей, портов и побережий.
Шельтинг. — Боевые действия в Рижском заливе 1914—16 г.г. (Морск. Сборник).
Малинин. — Линейный корабль „Слава“ в Мировую войну. (М. Сборник. 1925).
Е. Адамов. — Босфор и Дарданеллы.

Неизданные монографии из портфеля Морск. Ист. Комиссии:

- Ренгартен. — Дневник мировой войны на Балтийском морском театре.
Развозов и Кукель. — Справочник—дневник войны на Балтийском море.
Н. О. Эссен. — Дневник.

- П. Гельмерсен.—Заградительные операции у германского побережья.
 Е. Винтер.—Ожидание боя на Центральной позиции.
 Эмме.—Военные действия на Балтийском море с начала войны до сентября.
 В. Лукин.—Справочник—дневник войны на Черном море.
 Его же.—Заградительные операции на Черном море.
 Его же.—Заметки о боевой деятельности Черноморского флота.
 Эймонт.—Действия Балтийского флота на торговых путях.
 Кимбар.—Минные заграждения, поставленные на Балтийском театре
 в 1914—17 г.г.
 Н. Данилов.—Смешанная операция в Рижском заливе в июне—августе
 1916 г.
 А. Колтовской.—Береговая оборона Балтийского моря во время Мировой войны.
 А. Гарсоев.—Заметки по поводу действий русских подводных лодок.
 Е. Шведе.—Операция заграждения Ирбенского пролива.
 Рыбаков.—Период пассивной обороны.
 Г. Оленев.—Операции против германской торговли на Балтийском море.
 Дела архива Морискома.





